

М.Н. Химин

ЗНАЛ ЛИ ГОМЕР СКАЗАНИЕ О НЕОПТОЛЕМЕ?

В «Илиаде» Гомер один раз упоминает сына Ахилла по имени. В XIX песне (326–333) поэт говорит:

Даже когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе,
Милого, если он жив ещё, Неоптолем мой прекрасный!
Прежде меня утешала хранимая в сердце надежда,
Что умру я один, далеко от отчизны любезной,
В чуждой троянской земле, а ты [Патрокл] возвратишься во
Фтию;
Ты, уповал я, мне сына в своем корабле быстролётном
В дом привезешь из Скироса и юноше всё там покажешь:
Наше владенье, рабов и высокие кровлей палаты¹.

В другом месте поэмы (XXIV.465–467), наряду с отцом и матерью Ахилла, также упоминается его сын. Гермес, давая наставление Приаму, как вернуть тело Гектора, произносит следующие слова:

Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллесеу колена;
Именем старца родителя, матери многопочтенной,
Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу.

Несколько сообщений о Неоптоleme встречается в «Одиссее». В одном пассаже (IV.3–9) говорится о том, что Телемах прибыл в Спарту в день свадьбы дочери Менелая и сына Ахилла:

Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милья празднуя в царском жилище.
К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
Дочь, уж давно с ним в Троянской земле договор заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
В град мирмидонский, где царствовал светлый жених, снаря-
дил он².

В XI песне (506–537) Одиссей рассказывает тени Ахилла об его сыне: что он привёз Неоптолема со Скироса, что тот убил Еврипила, среди прочих ахейских героев спрятался в деревянном коне и отплыл из-под Трои с богатой добычей.

Таким образом, уже в самых ранних эпических источниках Неоптолем фигурирует как участник Троянской войны. Правда, в «Илиаде»

¹ Здесь и далее «Илиада» цитируется в переводе Н.И. Гнедича.

² Перевод В.А. Жуковского.

он упомянут лишь вскользь; в «Одиссее» же проступают вполне определённые контуры сказания: Неоптолем при участии Одиссея прибыл со Скироса под Троию, там юный герой убил главного троянского союзника Еврипила, принял участие в разрушении города и разделе добычи, а после войны получил в жёны одну из дочерей Менелая, обещанную ему ещё под Троей.

Однако достоверность первого пассажа из «Илиады» была поставлена под сомнение ещё в античные времена (схолии Did/A). Вернее сказать, у античных комментаторов вызвала сомнение подлинность стиха 327: εἶ που ἔτι ζῶει γε <Νεοπτόλεμος θεοειδής> καὶ Ἀριστοφάνης προφθέτει τὸν στίχον, ὡς φησι Καλλίστρατος· τὸ τε γὰρ ἐπὶ παιδὸς κομιδῇ λέγεσθαι διατακτικῶς εἶ που ἔτι ζῶει, καὶ ταῦτα μηδὲ πόρρω τῆς Σκύρου κειμένης, ὑποπτον, τὸ τε θεοειδῆς ἀκαίρως προσέριπται (Schol. Did. T 327 a. Erbse. T. IV. P. 636).

Как видно, комментаторы Гомера при атетировании этой строки исходили из общих рассуждений, сводящихся к следующему: так как Скирос находился недалеко от Трои, то Ахилл должен был узнать, если бы Неоптолем умер; эпитет θεοειδής является неуместным для совсем юного Неоптолема. Однако все эти возражения легко отводятся. По справедливому замечанию М. Ван дер Валка, вложенные в уста Ахилла слова «были выбраны намеренно, так как они служили усилению печали, которой он настолько сражён, что уже сомневается, живы ли до сих пор его ближайшие родственники»³. Что же касается эпитета «богоподобный», то он является формульным и часто используется в «Илиаде» и «Одиссее» в той же позиции, следуя за именами героев⁴.

Так или иначе, в современной научной литературе утвердилось мнение античных комментаторов, хотя и на другом основании. Причиной считать строку 327 поздней вставкой послужил ряд лингвистических особенностей, в том числе и тот факт, что τὸν стоит далеко от управляющего им глагола πυθοίμην⁵. Складывается впечатление, что там, где заканчивался стих 325, были вставлены ещё два стиха (326–327 соответственно), в результате чего возникла такая «растяжка» между глаголом и артиклем (членом)⁶.

³ Van Der Valk M. Researches on the Text and Scholia of the Iliad. Part. 2. Leiden, 1963. P. 404. В этом же пассаже Ахилл также говорит, что не знает, жив ли ещё его отец или уже умер (XIX.334–337).

⁴ Edwards M.W. The Iliad: A Commentary. Cambr., 1991. Vol. V: books 17–20. P. 273.

⁵ Bolling G.M. The Athetized Lines of the Iliad. Baltimore, 1944. P. 164; Huys M. Euripides, Alexandros fr. 46 Snell Unmasked as Ilias T. 325–329 // ZPE. 1989. Bd. 79. P. 264–265; West M.L. Toward a chronology of early Greek epic // Relative Chronology in Early Greek Epic Poetry. Cambr., 2012. P. 238.

⁶ ...οὐ μὲν γὰρ τι κακώτερον ἄλλο πάθοιμι, ἢ οὐδ' εἶ κεν τοῦ πατρὸς ἀποφθιμένοι πυθοίμην, // ὅς που νῦν Φθίηφι τέρεν κατὰ δάκρυον εἴβει // χήτει τοιοῦδ' υἱός· ὃ δ' ἄλλοδαπῶ ἐνὶ δῆμῳ // εἵνεκα ριγεδανῆς Ἑλένης Τρωσὶν πολεμίζω // ἦε τὸν ὃς Σκύρω μοι ἐνὶ τρέφεται φίλος υἱός, // εἶ που ἔτι ζῶει γε Νεοπτόλεμος θεοειδής (321–327).

Некоторые исследователи пошли дальше и предположили, что во время Гомера сказания о Неоптолеме ещё не существовало⁷. По мнению М. Уэста, оно сложилось в период между появлением гомеровской поэмы и «Одиссеей», в которой встречается первое бесспорное свидетельство об этом герое. Возражая ему, В. Кульман подчеркнул, что в пользу такого предположения необходимо привести веские аргументы, отсутствующие у исследователя⁸. В самом деле, даже если признать, что упоминание о Неоптолеме в XIX песне «Илиады» – это поздняя вставка, и что пассаж XIV.466–467 носит слишком общий характер, чтобы сделать какой-либо вывод⁹, то это ещё не доказывает, что сказание о Неоптолеме было неизвестно Гомеру. Малоубедительным представляется аргумент, который привел Дж. Форсдаик¹⁰. Он указал, что Ахилл, согласно «Илиаде», не был женат. Так, Агамемнон, желающий примириться с героем, говорит (IX.144–147):

Три у меня расцветают в дому благосозданном дочери:
Хризофемиса, Лаодика, юная Ифианасса.
Пусть он [Ахилл], какую желает, любезную сердцу, без вена
В отеческий дом отведет...
Ахилл же через вестника ему отвечает (IX.388, 393–394):
Дщери супругой себе не возьму от Атреева сына;
<...>
Ежели боги меня сохранят и в дом возвращусь я,
Там – жену благородную сам сговорит мне родитель.

Действительно, при прочтении этих строк может возникнуть впечатление, что к моменту создания поэмы рассказ о союзе Ахилла и Деидами ещё не сложился. Однако, вероятно, Гомер здесь просто-напросто отошёл от традиционного сказания, или, вернее сказать, упустил его. Подобный подход поэта к эпическому материалу можно наблюдать на примере ряда пассажей «Илиады», в которых подразумевается, что Фетида не покидала Пелея после рождения Ахилла, а продолжала жить с ним и воспитывать сына (I.396–406; XVI.220–224, 574–576; XVIII.54–60, 331–332; XIX.422–423). И все же они не согласуются со словами самого Гомера о том, что Хирон был учителем героя в области медицины. Из других источников известно, что Пелей отнёс сына Хирону на воспитание после того, как его покинула Фетида. Как представляется, возникшее противоречие объясняется тем, что указанные пассажи – это всего лишь поэтический вымысел Гомера¹¹, имеющий под собой одну единственную цель – сделать произведение

⁷ Forsdyke J. Greece before Homer. Ancient chronology and mythology. N.Y., 1957. P. 110–111; West M.L. «Iliad» and «Aethiopsis» // CQ. 2003. Vol. 53. No. 1. P. 9; Cameron A. Young Achilles in the roman World // JRS. 2009. Vol. 99. P. 21.

⁸ Kullmann W. Ilias und Aithiopsis // Hermes. 2005. Bd. 133. Ht. 1. S. 13.

⁹ Homers Ilias. Gesamtkommentar. B., 2006. Bd. VI. Gesang 19. Faszikel 2: Kommentar. S. 141.

¹⁰ Forsdyke J. Op. cit. P. 111.

¹¹ Химин М.Н. Союз Пелея и Фетиды по свидетельствам «Илиады» // Мемнон. СПб., 2012. Вып. 11. С. 249–256.

более выразительным и эмоционально насыщенным. Таким образом, приведённый Дж. Форсдайком аргумент равным счетом ничего не доказывает. Напротив, ряд пассажей «Илиады» позволяет утверждать, что Гомеру было известно сказание о Неоптолеме.

1. В IX песне «Илиады» (IX.667–668) Гомер говорит, что Ахилл завоевал на Скиросе город царя Эниея и из захваченной добычи отдал Патроклу Ифиду. Из схолий к поэме (Т I 668 a–b и Т Ω 765: Erbse. Т. II. S. 538; Т. V. S. 639) и комментариев Евстафия (А 62–63: Valk. Т. I. P. 76; I 666–668: Valk. Т. II. P. 833) известно, что тогда же Ахилл сошёлся с Деидамией и произвел на свет Неоптолема¹².

2. В XXII песне Приам просит Гектора не выходить на поединок с Ахиллом, поскольку иначе он неизбежно погибнет, а вслед за ним падёт и Троя; далее престарелый царь, предрекая её жителям смерть, говорит, что сам он последним на пороге будет растерзан хищными псами, когда кто-то острой медью душу ему исторгнет из тела (66–71). Это сообщение согласуется с традицией «Малой Илиады», в которой рассказывалось о том, что Неоптолем убил Приама на пороге дворца (*Raus*. X.27). Тот же факт, что Приам не называет Неоптолема по имени, объясняется просто: герой к тому времени ещё не принял участия в войне и поэтому не мог прямо фигурировать в повествовании.

3. В XXIV песне «Илиады» Елена говорит, что идёт уже двадцатый год, как Парис привёз её в Трою (765–766). По сообщению Аполлодора, с момента похищения Елены и до начала второго похода прошло десять лет, то есть, как поясняет мифограф, после похищения Елены ахейцы только на второй год закончили свои приготовления к походу против Трои, а после возвращения из Мисии прошло ещё восемь лет, прежде чем они отправились в новый поход (Ер. II.18); война же под Троей длилась десять лет. Указание на такую продолжительность второго похода встречаются уже в самых ранних источниках. Так, в «Илиаде» сообщается, что, когда ахейцы собрались в Авлиде, им явилось знамение: дракон съел в гнезде восемь птенцов и мать, и Калхант сообщил, что оно значит: девять лет троянцы будут сражаться под Троей и только на десятый покорят её (II.303–329). В «Одиссее» птице-

¹² Брайан Хайнсворт, полагая вслед за другими исследователями, что в «Киприях» и «Малой Илиаде» Ахилл попал на Скирос по возвращении из первого неудачного похода под Трою, указал, что пассаж IX.667–668 не согласуется с этой традицией (*Hainsworth B. The Iliad: A Commentary. Cambr., 1993. Vol. III: books 9–12. P. 145–146*). А. Камерон отметил, что с ним не согласуется также рассказ о том, как Ахилл был спрятан среди дочерей Ликомеда, и поэтому счел вероятным, что автор этих строк не знал сказания о союзе Ахилла с Деидамией (*Cameron A. Op. cit. P. 21*). Однако мы уже имели возможность высказать мнение, что в эпической поэзии существовало несколько традиций, в каждой из которых Ахилл дважды посещал Скирос. Обе они отличались только первой частью: по одному варианту он завоевал остров перед началом первого похода, по другому (более позднему) он был спрятан там Фетидой перед первыми сборами в Авлиде; во второй же части приводился один и то же рассказ о том, как после похода в Миссию Ахилл был занесен бурей на Скирос и там женился на Деидамии (*Химин М.Н. Ахилл на острове Скирос // Studia historica. 2011. Вып. XI. С. 6–27*).

гадатель Галиферс говорит, что, когда ахейцы стали готовиться к отплытию под Троию, он предсказал возвращение Одиссея на двадцатом году (II.171–176), то есть через десять лет войны и десять лет странствований. Двадцать лет, по словам поэта, ждал Одиссея Аргус (XVII.326–327). О возвращении домой спустя двадцать лет говорит и сам герой (XXIV.321–322). Таким образом, слова Елены подразумевают сказание о первом походе¹³. Как представляется, оно возникло в результате появления в повествовании о Троянской войне Неоптолема и имело одну единственную цель – растянуть войну, чтобы к моменту смерти Ахилла он был достаточно зрелым и мог принять участие в войне. Конечно, самой по себе проблемы возраста в эпической поэзии не существовало, поскольку эпическое время не подразумевало какой-либо конкретизации помимо общих категорий: юность, зрелость, старость. В пределах же этих категорий жизнь героя протекала вне времени. Однако рождение Неоптолема и его приход под Троию имел чёткую временную привязку: он родился перед отправлением Ахилла на войну, а уже на десятом году, когда погиб его отец, начал сражаться. Отсюда возникло явное противоречие, поскольку тогда Неоптолем был слишком юн, чтобы участвовать в войне. Решение было найдено; сказатель сочинил историю о первом неудавшемся походе. По крайней мере, трудно представить, какое другое значение она могла иметь. После столкновения с мисийцами и до вторых сборов в Авлиде, назначенных после того, как Телеф согласился показать Агамемнону дорогу в Троию, ровным счетом не произошло никаких событий; растягивание во времени здесь налицо.

В любом случае, даже если абстрагироваться от предложенной гипотезы, слова Елены, подразумевающие первый ахейский поход под Троию, уже сами по себе свидетельствуют в пользу существования традиции о сыне Ахилла, поскольку Прокл прямо говорит, что на обратном пути из Мисии буря занесла Ахилла на Скирос, где он женился на Деидами (*Procl. Chrest.* 1).

Итак, приведённые свидетельства позволяют с полным основанием утверждать, что Гомер знал сказание о Неоптоleme (в последних книгах «Илиады» он не раз демонстрирует знакомство с сюжетами, описанными в киклических поэмах¹⁴). Однако поэт не мог рассказать об его подвигах, так как приход Неоптолема под Троию к тому времени не состоялся. В заключение приведём ещё одно соображение, свидетельствующее против гипотезы М. Уэста и ряда других исследователей. В упомянутом пассаже из «Одиссеи» (IV.3–9) о свадьбе сына Ахилла с дочерью Менелая говорится вскользь. Поэт не называет даже имён жениха и невесты, подразумевая, что слушатели и так поймут о ком идёт речь (о Неоптоleme и Гермione). По той же причине он не

¹³ *Breslove D.* How Old Were Achilles and Neoptolemus? // *CJ.* 1943. Vol. 39. No. 3. P. 160–161; *Kullmann W.* The relative chronology of the Homeric Catalogue of Ships and of the lists of heroes and cities within the Catalogue // *Relative Chronology in Early Greek Epic Poetry.* Cambr., 2012. P. 212–214.

¹⁴ *Edwards M.W.* *Op. cit.* P. 273.

уточняет, при каких обстоятельствах Менелай пообещал Неоптолему руку своей дочери (вне всякого сомнения, основанием для помолвки послужило согласие юного героя принять участие в войне). Такое отношение к эпическому материалу скорее свидетельствует в пользу того, что Неоптолем был традиционным героем, и сказание о нем было всем хорошо известно. Поэтому трудно представить, чтобы оно возникло незадолго до появления самой поэмы¹⁵.

И всё же следует полагать, что сказание о Неоптолеме появилось в тот период, когда традиция о Троянской войне в целом уже оформилась.

После смерти Ахилла между Одиссеем и Аяксом возник спор, кто из них лучший воин и кому должны достаться его доспехи. Лучшим ахейцы признали Одиссея. Аякс, оскорблённый таким решением, впал в безумие и вскоре покончил жизнь самоубийством. Наиболее убедительную интерпретацию этого сказания предложил Г. Хедрин¹⁶. Он отметил, что стены Трои, защищаемые Аполлоном, нельзя было захватить силой, проникнуть в город можно было только с помощью хитрости, поэтому-то лучшим героем был признан хитроумный Одиссей, а Аякс, самый сильный воин после Ахилла, оказался «невостребованным» и удалённым из повествования. Последующие действия Одиссея обеспечили ахейцам взятие Трои: он захватил в плен Гелена, предсказавшего, что без лука Филоктета невозможно покорить город, привёз с Лемноса самого героя, выкрал палладий и, наконец, придумал хитрость с деревянным конём. И всё же вскоре Одиссей отдал доспехи Неоптолему. В этой связи возникает вопрос, зачем вообще понадобилось назначать в качестве приза доспехи, если вскоре их предстояло отдать другому герою? В этом заключается несогласованность. Однако всё встаёт на свои места, если предположить, что по первоначальной версии обладателем божественных доспехов был Одиссей, и только позднее, с появлением сказания о Неоптолеме, тот отдал их сыну Ахилла.

Сам по себе подобный формальный анализ сказания, конечно, не дает основания утверждать, что Неоптолем – это поздний герой, однако сделанный вывод полностью согласуется с другими источниками, в которых сообщается об убийстве троянцев во время взятия Трои. А именно, из дошедших до нас нарративных свидетельств известно, что:

1. Агенор, по Лесху, убит Неоптолемом (*Paus.* X.27.2).
2. Адмет, по Лесху, убит Филоктетом (*Paus.* X.27.1).
3. Аксион, по Лесху, убит Еврипилом (*Paus.* X.27.2).
4. Астианакс, по Лесху, убит Неоптолемом¹⁷, а по Арктину, Одиссеем (*Procl. Chrest.* 4).
5. Астиной убит Неоптолемом (*Paus.* X.26.4).

¹⁵ Согласно традиционной точке зрения, «Одиссея» была создана примерно на одно поколение (20–30 лет) позже «Илиады».

¹⁶ *Hedreen G. Capturing Troy. The Narrative Functions of Landscape in Archaic and Early Classical Greek Art.* Ann Arbor, 2004. P. 114–115.

¹⁷ *Gantz T. Greek Myth. A Guide to Literary and Artistic Sources.* Baltimore; L., 1993. Vol. 2. P. 650.

6. Дейфоб, по Арктину, убит Менелаем (*Procl. Chrest.* 2).
7. Кореб, по указанию Павсания, у большинства авторов убит Неоптолемом, а по Лесху, Диомедом (*Paus.* X.27.1).
8. Леокрит убит Одиссеем (*Paus.* X.27.1).
9. Поликсена, по Арктину, принесена в жертву Неоптолемом¹⁸, согласно же «Киприям», сначала смертельно ранена Одиссеем и Диомедом¹⁹, а затем похоронена Неоптолемом²⁰ (EGF. 27; PEG. 34).
10. Приам, по Лесху (*Paus.* X.27.2) и Арктину (*Procl. Chrest.* 4), убит Неоптолемом.
11. Эионей, по Лесху, убит Неоптолемом (*Paus.* X.27.1).
12. Элас убит Неоптолемом (*Paus.* X.26.4).
13. Кассандра, по Лесху (*Paus.* X.26.1) и Арктину (*Procl. Chrest.* 4), подверглась нападению со стороны Аякса.

Как видно, во всех случаях различия наблюдаются только между Неоптолемом и Одиссеем – Диомедом. Объяснить это можно тем, что Неоптолему при его появлении в сказании о Троянской войне приписали часть убийств, которые в предшествующей традиции совершали Одиссей и его постоянный напарник Диомед²¹: так появилось несколько вариантов убийства одного и того же троянского героя или героини. Иными словами, ко времени возникновения сказания о Неоптолеме уже существовала устойчивая традиция о взятии Трои, в которой все роли – какой ахейский герой какого троянца убивает – были уже распределены. В то же время для нового героя необходимо было сложить арестию. В повествовании о сражении Неоптолема под стенами Трои эта проблема была легко решена: был сложен рассказ о прибытии в осаждённый город нового союзника Еврипила, сына Телефа, которого и убивает Неоптолем²². Однако при описании взятия

¹⁸ Прокл, пересказывая основное содержание «Взятие Илиона», говорит, что ахейцы принесли в жертву Поликсену, но не указывает, кто именно. Однако из всех других источников, в том числе иконографических, следует, что в качестве жреца, перерезавшего Поликсене горло, выступал именно Неоптолем.

¹⁹ На одной этрусской вазе середины VI в. до н.э. представлена женщина, взбирающаяся на ступенчатый алтарь и оглядывающаяся назад, в сторону преследующих ее двух воинов. Г. Хедрин атрибутировал памятник как сцену преследования Елены (*Hedreen G. Capturing Troy. The Narrative Functions of Landscape in Archaic and Classical Greek Art. Ann Arbor, 2001. P. 133. Note 40*). Однако едва ли можно согласиться с таким мнением по той причине, что в вазописных композициях Менелай преследует Елену один. Напротив, параллель между этрусской сценой и описанием в «Киприях» смерти Поликсены очевидна. К тому же, как заметил М. Робертсон, корреляция этой композиции со сценой преследования Троила, представленной на противоположной стороне вазы, не оставляет сомнений, что перед нами изображение Поликсены (*Robertson M. Troilos and Polyxene: Notes on a Changing Legend // Eumousia: Ceramic and Iconographic Studies in Honour of Alexander Cambitoglou. Sydney, 1990. 1990. Vol. 1. P. 63–64*).

²⁰ Должно быть, Неоптолем захоронил Поликсену в могиле Ахилла.

²¹ Так, Диомед вместе с Одиссеем убил Паламеда, Долона, уничтожил лагерь Реса, выкрал палладий из Трои и отправился на остров Лемнос за Филоктетом.

²² *West M.L. Op. cit. P. 9.*

Трои сказитель уже не мог ввести совершенно новых персонажей, не фигурировавших на более ранних этапах войны; в итоге у него остался только один выход: приписать сыну Ахилла убийства троянцев, которые в прежних вариантах мифа совершались другими героями. И так как главную роль в разрушении Трои в предшествующей традиции, по всей видимости, играли Одиссей и его напарник Диомед, то именно их деяния были частично отнесены на счёт Неоптолема.

Итак, подведем итог сказанному. Приведенные пассажи из «Илиады» выступают важными свидетельствами при решении вопроса, знал ли Гомер сказание о Неоптолеме. Они происходят из того эпического контекста, неотъемлемой частью которого является рассказ об этом герое, на основании чего можно утверждать, что ко времени возникновения «Илиады» традиция о сыне Ахилла уже существовала. В то же время следует признать, что Неоптолем был введен в повествование о Троянской войне позднее других ахейских героев.

M.N. Khimin

DID HOMER KNOW THE TALE OF NEOPTOLEMOS?

There is one passage in the Iliad, mentioning Neoptolemos (XIX.326–327). However some authors, including Martin L. West, consider it to be a late insertion and suppose that Homer was not aware of the story about this hero. But an analysis of a few other passages from the epic (IX.667–668, XXII.66–71, XXIV.764–767) allows us to make the opposite conclusion: tradition about Neoptolemos indeed appeared before the Iliad.